

На правах рукописи

Седойкина Юлия Васильевна

**НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ:
СЕМАНТИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Курск 2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории русского языка
ГОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Макаров Владимир Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Алешина Людмила Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Васильев Александр Ибрагимович

Ведущая организация: Воронежский государственный
педагогический университет

Защита состоится 12 октября 2011 г. в 13 часов на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском
государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского
государственного университета.

Автореферат разослан «__» сентября 2011 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета
доктор филологических наук

И.С. Климас

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению наименований лиц в брянских говорах: их семантики, словообразования, ареальных связей.

В современной науке о языке одним из динамично развивающихся направлений является антропологическая лингвистика, которая основывается на постулате о том, что в центре человеческого мирозерцания и в центре лексической системы языка стоит человек [Хроленко 2000: 5]. Основная задача антропоцентрической лингвистики, как считает Ю.Н. Караулов, – выявить, каким предстает человек и этнос в языковой единице, языковых построениях, в самом строе языка, который им создан и которым он пользуется [Караулов 1995: 64].

В рамках антропологической лингвистики человек рассматривается при изучении языковой картины мира и ее отражения единицами разных языковых уровней (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак), через призму метафоры (Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Складневская, В.К. Харченко), фразеологии (В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, В.П. Жуков), словообразования (А.С. Герд, Е.С. Кубрякова, Т.И. Вендина), лексикографии (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, В.В. Морковкин), лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Е.О. Опарин, И.Г. Ольшанский), лингвофольклористики (М.А. Бобунова, И.С. Климас, А.Т. Хроленко) и др.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в условиях возросшего интереса к историческим ценностям изучение русских народных говоров приобретает особую значимость. Обращение к народной речи способствует постижению истоков и процессов развития русского литературного языка, осмыслению современного состояния диалектов и их дальнейшей судьбы в социально-культурном развитии общества. Изучение истории диалекта – одно из важных составляющих реконструкции языка и, стало быть, истории народа.

В народной речи, лаборатории естественных языковых процессов, наименования человека широко отражают народное мировосприятие, историю его культуры, лексико-семантические и ареальные связи тех или иных говоров с другими русскими говорами, восточнославянскими и другими языками. Среди антропонимических наименований, выделяющих человека в обществе, менее исследованы именно нарицательные его именованья.

Изучению диалектных агентивов различных русских говоров посвящены работы Т.В. Бахваловой (орловские говоры), Е.А. Нивиной, М.В. Пуговкиной (тамбовские), С.Л. Гурской, Ж.К. Гапоновой, Е.А. Воробьевой (ярославские), Ю.Н. Грицкевич (псковские), М.Е. Щербаковой (тверские), Н.Н. Руденко (камчатские), И.С. Урманчеевой (вологодские) и др. Однако в брянских говорах данная тематическая группа еще не подвергалась систематическому исследованию, хотя и неоднократно упоминалась в качестве важной темы для предстоящего лингвистического изучения.

Объектом данного исследования является лексика брянских говоров, отражающая различные характеристики человека.

Предметом исследования стала семантическая и словообразовательная структуры наименований лиц, их происхождение, лингвогеографические связи членов данной тематической группы брянских говоров с другими русскими говорами и близкородственными славянскими языками.

В XIX-XX вв. особенности брянской речи привлекали внимание ряда исследователей. Описывались исторические [Е.Ф. Будде, И.Г. Голанов, Е.Ф. Карский, П.А. Расторгуев, П.Н. Тиханов], фонетические [Н.И. Батожок, Н.П. Гринкова, В.И. Чагишева], словообразовательные [А.С. Герд, А.В. Королькова] морфологические [Е.П. Гарбузова, Г.И. Демидова, В.И. Чагишева], лексико-фразеологические [Т.А. Бабешкина, Л.А. Балясникова, С.А. Бойцов, А.С. Герд, В.А. Козырев, Н.И. Курганская], синтаксические [В.А. Иванова, Л.М. Чистякова, О.С. Тарико] особенности брянских говоров. Общее и различное в лексике брянских говоров в сопоставлении с белорусским и украинским языками рассмотрены в работе Н.И. Курганской «Брянские говоры в кругу родственных славянских языков» [Курганская 2008: 19-27]. Однако именно наименования лиц до сих пор не изучались.

Цель данного исследования – представить комплексный анализ наименований лиц брянских говоров на материале лексики XX века.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

- 1) выделить в пределах изучаемой тематической группы лексико-семантические группы;
- 2) описать входящие в данные лексико-семантические группы лексические единицы с позиций семантики и особенностей их употребления в местных говорах;
- 3) охарактеризовать словообразовательные процессы, определившие возникновение и семантические особенности брянских агентивов;
- 4) раскрыть систему мотивировочных признаков, положенных в основу наименований лиц;
- 5) исследовать процессы лексического взаимодействия брянских говоров и русского литературного языка в сфере агентивов;
- 6) изучить ареальные связи агентивов брянских говоров с соответствующей лексикой других русских говоров и близкородственных славянских языков.

Материалом для исследования послужили: 1) словари брянских говоров: «Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева (Минск, 1973); «Словарь брянских говоров» (Л., 1976-1988, вып. I-V); «Брянский областной словарь» (Брянск, 2007), из которых методом сплошной выборки извлечены слова исследуемой тематической группы; 2) материалы лексической картотеки брянских говоров при кафедре теории и истории русского языка БГУ имени ак. И.Г. Петровского; 3) материал, собранный автором диссертации в ряде сел Брянской области (в течение 2009-2010 гг.). Всего в работе подвергнуто анализу 820 слов и выражений.

При научной интерпретации брянской лексики широко использовались словари русского литературного языка (БАС, МАС, СОШ), различные

диалектные словари, в том числе сводный «Словарь русских народных говоров», этимологические, историко-этимологические, словари белорусского и украинского языков.

Гипотеза исследования: лексические единицы тематической группы «Наименования лиц» в брянских говорах, являясь частью русского национального языка и отражая особенности формирования и развития русской народной речи, народного мировосприятия, воплощают в себе сложную, многостороннюю историю брянских говоров, тесно связанную с жизнью других русских говоров и близкородственных языков.

Новизна исследования заключается в том, что данная тематическая группа брянских говоров специально и системно не изучалась. Работа представляет собой первый опыт комплексного описания наименований лиц в брянских говорах: осуществлен лексико-семантический анализ данной тематической группы в сопоставлении с аналогичной лексикой других говоров и с лексикой русского литературного языка, а также с семантическими соответствиями белорусского и украинского языков. Проведено исследование процессов словообразования, прежде всего семантического, установлены ареальные связи местных говоров с другими говорами и близкородственными языками.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в изучение русской диалектной лексики как частной диалектной системы и ее функционального взаимодействия с лексикой литературного языка, в осмысление специфики синтагматических, парадигматических и иных отношений в пределах говора и совокупности говоров; расширяет на лексическом уровне состав дифференциальных признаков Верхне-Деснинской диалектной группы южного наречия.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его материалов в системном лингвогеографическом описании русских народных говоров, при составлении лексических атласов, при уяснении лексико-фразеологических особенностей диалектных групп, в вузовском курсе русской диалектологии, при разработке курсов по выбору и спецсеминаров по диалектной лексикологии, лексикографии, ареальной лингвистике, а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Основные методы исследования: описательный, состоящий в отборе фактического материала, в первичной обработке, систематизации и классификации лексических единиц и последовательном их описании; сравнительно-исторический, заключающийся в сопоставлении лексического состава рассматриваемой тематической группы брянских говоров с соответствующими фактами других говоров и языков, а также в выяснении истории отдельных слов в контексте древних и современных межъязыковых отношений; элементы компонентного анализа семантики диалектных слов, заключающегося в выявлении в структуре значения слов интегральных и дифференциальных сем.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Тематическая группа «Наименования лиц» в брянских говорах характеризуется набором разнообразных лексико-семантических тождеств и противопоставлений как внутри лексической системы брянских говоров, так и в сопоставлении с соответственными явлениями русского литературного языка.

2. Семантическое пространство, создаваемое наименованиями лиц, отличается высокой степенью детализации различных именуемых признаков, качеств человека, большей, чем это наблюдается в литературном языке.

3. Лексические единицы, характеризующие человека в брянских говорах, обладают экспрессивно-стилистической коннотацией, что имеет свое объяснение в фактах экстралингвистического, в том числе психологического характера.

4. Изучаемая тематическая группа брянских говоров обладает семантическими и словообразовательными характеристиками, отражающими разные этапы истории славянских языков.

5. В качестве наиболее активного способа образования агентов носители брянских говоров используют способ семантический, ярко отражающий присущее народной речи стремление к образности, эмоциональности, нетривиальности в выборе характеристических номинаций.

6. Лексика брянских говоров испытала влияние белорусского и украинского языков, прежде всего их пограничных говоров, в результате чего граница между тремя языками представляет собой переходную зону, совмещающую в себе особенности всех взаимодействующих языков и определяющую специфику лексико-семантических групп, входящих в изучаемую тематическую группу.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации изложены в 14 публикациях, три из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Основные положения работы прошли апробацию в виде докладов и сообщений на научно-практической конференции «Русский язык и духовная культура» (Брянск, 2008), XI Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы науки и образования. Расторгуевские чтения» (Новозыбков, 2008), XII Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы науки и образования» (Новозыбков, 2009), V Международной научно-практической конференции «Проблема изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж, 2009), научной конференции «Текст. Язык. Человек» (Белоруссия, г. Мозырь, 2009), Международной научно-практической конференции «Современные проблемы историко-правового, филологического, психолого-педагогического и естественнонаучного краеведения» (Новозыбков, 2010), Межгосударственной научной конференции «Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы» (Брянск, 2010), Международной научно-практической конференции «Древнеславянское наследие и культура в современном мире» (Елец, 2011), на ежегодных научных внутривузовских конференциях преподавателей и

аспирантов Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, 2008, 2009, 2010, 2011).

Структура работы обусловлена целями, задачами, проблематикой исследования. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы, двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи работы, называются основные методы исследования, указывается материал, послуживший источником исследования, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены основные положения, выносимые на защиту, содержатся сведения об апробации работы, описана структура диссертации.

В **первой главе «Теоретические основы изучения наименований лиц в брянских говорах»** обобщены и проанализированы основные научные позиции, связанные с проблематикой работы.

Изучение диалектной лексики на современном этапе развития лингвистической науки неотделимо от антропоцентрического подхода и к самой языковой материи и к ее исследованию, поскольку наиболее ярко антропоцентризм языка проявляется при взгляде именно на его лексическую сторону. Диалектная лексика является, как известно, многоуровневой системой, элементы которой находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. Структура системы говоров отличается большой сложностью: едва ли не каждый населенный пункт обладает своей частной диалектной системой. Поэтому такие системы находятся в сложном переплетении друг с другом, представляя собой непростое единство в многообразии, когда системы говоров обладают, с одной стороны, общими для них чертами, с другой – особенностями, их различающими.

Такие соответствия широко представлены и в брянских говорах. Одни из них обусловлены сохранением древних общенародных или региональных явлений, другие – взаимодействием диалектов, третьи – влиянием литературного языка. При изучении лексико-семантических групп наименований лиц, в связи с проблемой тождества слова, возникает вопрос о квалификации материала, который в литературном языке, обладающем единой лексической системой, понимается как единая система синонимов, омонимов, антонимов и т.п.

Системный характер агентивной лексики проявляется в её реализации в составе тематических (ТГ) и лексико-семантических (ЛСГ) групп. Рассматриваемая ТГ делится на ряд ЛСГ, что позволяет с достаточной полнотой выявить связи и отношения между обозначающими, установить объём значения, определить семантику и очертить круг лексико-фразеологических связей агентивов. Различия усматриваются в том, что ЛСГ является неотъемлемой частью ТГ, представляющей собой совокупность

нескольких ЛСГ. В отличие от ТГ, которая основывается не на лексических связях, а, прежде всего, на классификации самих предметов и явлений, ЛСГ – продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, его внутреннее специфическое явление.

Наши наблюдения показали, что денотативный состав тематических подгрупп в литературном языке и в говорах, как правило, различается не только составом слов, но и составом самих денотатов, характеристик человека. В литературном языке данный состав более устойчив, консервативен, нормирован, в живых же говорах он практически не поддается такому исчислению в силу своей подвижности, отсутствия (в отличие от литературного языка) процессов, сдерживающих свободное их появление. Ситуация в говоре осложнена также тем, что в речи отдельных диалектоносителей постоянно возникают «индивидуально-авторские» образования, которые или расширяют сферу употребления, входя в состав местного говора в целом, или создают сферу «семейного» употребления, или, возникнув однажды в процессе речевого акта, тут же забываются. В связи с этим перед исследователем лексики говора часто встает проблема разграничения фактов локального узуса и индивидуального словотворчества, создания слов одноразового употребления. В случаях, когда диалектный словарь фиксирует употребление слов с указанием на один говор, такая ситуация «одноразовости» употребления не исключена и требует дополнительного поиска в речи других информаторов.

Брянские говоры как говоры юго-западной окраины России издревле характеризовались непрерывностью своего существования и развития, а также взаимодействием с другими русскими говорами. В течение XIX-XX вв. изучаемые говоры рассматривались по-разному: как белорусские (Е.Ф. Карский, П.А. Расторгуев), как южновеликорусские (Е.Ф. Будде, В.И. Чагишева), как переходные от белорусских к южновеликорусским с белорусской основой (И.Г. Голанов). П.А. Расторгуев, отметив постепенное утрачивание в говоре современной Западной Брянщины черт старой основы и приобретение ими южновеликорусского характера, считал их южновеликорусскими, развивавшимися на белорусской основе. В настоящее время общепринятой является точка зрения В.И. Чагишевой, определившей брянские говоры как особую группу южновеликорусского наречия, обладающую известным единством, но при этом не представляющую единообразия [Чагишева 1968: 7]. Это положение можно дополнить указанием на тесные связи брянских говоров с белорусским и украинским языками и их заметное влияние на брянские говоры. На «Диалектологической карте русского языка» брянские говоры отнесены к Верхне-Деснинской группе южного наречия, которой свойственны черты языковых комплексов западной, юго-западной и южной диалектных зон, выделяемых преимущественно на основе их фонетических и грамматических особенностей [Русская диалектология 1965: 276].

При анализе ареальных связей брянских говоров мы обращаем внимание на наличие или отсутствие не только общих планов выражения, но основываемся на учете семантики лексем, считая, что только общность плана

выражения и плана содержания слов может убедительно свидетельствовать о каком-то исторически обусловленном совпадении их судьбы. Так, например, среди агентивов, указывающих на внешние характеристики человека, слово *лелёта* в значении «некрасивая малоподвижная девушка (женщина)» [СР 1973: 149] известно, кроме брянских говоров, и во владимирских в довольно близком брянскому значении, но – в другом: «толстая женщина» [СРНГ 1980, XVI: 344]. Мы полагаем, что в таком случае нет веских оснований ставить знак равенства между этими словами и делать заключение о какой-либо тесной генетической связи этих говоров.

Во второй главе «Наименования лиц по родственным отношениям в брянских говорах» рассмотрена терминология кровного, свойственного, опосредованного, духовного родства, наименования лиц в отношении брака и наименования детей в брянских говорах с точки зрения их состава, происхождения, семантической структуры и взаимосвязи с литературным языком. О.Н. Трубачев указывал, что историко-культурной значимости названий родственных отношений уступают названия растений, злаков, деревьев и домашних животных, значительная часть названий предметов окружающей действительности и основная масса названий предметов хозяйственной деятельности. Даже такая, казалось бы, древняя группа, как названия частей человеческого тела, во многих своих деталях восходит к обозначениям родства [Трубачёв 2006: 17].

Состав входящих в данную тематическую подгруппу ЛСГ обусловлен двумя различными взаимосвязанными стимулами: потребностями внеязыковой действительности (необходимостью для каждого объективно необходимого понятия родства и свойства выработать определенное языковое обозначение) и собственно языковыми (в том числе диалектными) тенденциями: стремлением к языковой детализации понятий, склонностью к формированию и использованию синонимических средств выражения и т.д. Терминология родства брянских говоров представляет собой совокупность целого ряда исторических срезов, каждый из которых отображает не только определенный этап в развитии этой терминологической системы, но и определенное состояние социально-культурных и этнографических традиций, выработанных народом в течение всей истории человечества вообще и данного этноса в частности.

Денотативный состав рассмотренной тематической подгруппы в обеих составляющих русского национального языка (в литературном языке и территориальных говорах) характеризуется исчисляемостью основных понятий родства, обусловленной объективным характером самого набора родственных отношений, установившихся в традиционных представлениях того или иного народа (*родители* → *дети* → *внуки* и т.д.) в процессе их социально-исторического развития.

В современной системе брянской терминологии родства широко используются древние, праславянские термины обобщенно-социального характера (*род*, *семья* и др.), наименования терминов кровного родства первой степени (*мать*, *отец*, *сын*, *дочь*), второй степени (*бабушка*, *дедушка*, *внук*, *внучка*), наименования по боковой линии (*сестра*, *брат*, *тётя*, *дядя*,

племянник, племянница), общеславянские термины свойства (*свекор, свекровь / свекруха, тещь / теща, невестка, зять, сноха, деверь*), термины опосредованного (*мачеха, отчим, несын, недочка*) и духовного (*крёстный отец, крёстная мать*) родства, отражая давние представления наших предков о структуре родственных отношений. При этом в древней системе наименований находит отражение старинные отношения и старинное миропонимание этих отношений. Так, в брянских говорах ряд общеславянских терминов родства до сих пор сохраняет отзвук древних словообразовательных структур: употребляются слова *нёсын* («неродной сын, пасынок»), *нёдочка* («неродная дочь»), представляющие собой слияние номинанта и бывшей частицы *не*. Еще А.А. Потебня высказал замечание о значении «неполноценности» в префиксе *не-* у ряда слов [Потебня 1883: 116]. А.Г. Преображенский использовал данное замечание, прибавляя рассматриваемые агентивы *несын, недочка* к приведенным им примерам [Преображенский 1959: 600]. Еще одним ярким примером служат слова с приставкой *на-*. В брянских говорах, например, двоюродную сестру называют *насёстрой* [СР 1973: 200].

Опираясь на изучаемые нами брянские словари, обнаруживаем случаи, когда общеизвестное в прошлом слово на Брянщине (может быть, наряду с некоторыми другими говорами) выступало и все еще выступает в нетипичном для слова значении (ср. *ла́да* «нелюбимый друг, нелюбимый муж») [СР 1973: 89] или сохраняет древнее значение. Так, слова *жадо́ба (жаде́ба)* из большого синонимического ряда со значением «жадный человек» известно многим русским говорам севера и юга [СРНГ 1972, IX: 57-58]. В древней русской письменности данный общеславянский корень отражен в составе ряда слов уже с XI – XII вв.: **жадание** («жажда», «нужда», «лишение»), **жадати** («испытывать жажду», «желать»), **жажа** («жажда», «желание», «стремление») и др. Слово *жадоба* отражено в русской письменности не позднее 1647 г. «**Такия капитаны жадовою на денги и своелюбствомъ от дьявола осилены**» [СлРЯ XI-XVII вв. 1978, V: 70]. В говоре Новозыбковского р-на у данного агентива нами отмечено еще одно значение: «желание». [*Яму усё адна жадоба ни давала пакою / уж дюжа хател вчица*]. В белорусском языке данного слова не находим, однако бытует глагольная форма *жада́ць* в значении «желать, хотеть, жаждать» [НРБС 2007: 500]. Лексема *жадоба* известна также в украинском языке как полисемант: 1. «жадность, алчность»; 2. «стремление к осуществлению чего-нибудь, желание» [УРС 1964: 206]. Есть основание считать второе новозыбковское значение сохранением древнерусской семантики слова.

Некоторые термины родства, представленные в брянских говорах, в отличие от литературного языка, приобрели дополнительную семантику: *брат* – «лицо мужского пола, принадлежащее к секте баптистов» [СБГ 1980, II: 6], *дядя* – «один из главных участников свадебного обряда, старший дружка» [СБГ 1988, V: 52], *родичи* – «у христиан день поминаения умерших» [СР 1973: 230], *батька* – «старший партии в игре» [СБГ 1976, I: 34] и др.

В системе брянских говоров наблюдаются словоформы, в которых в процессе развития русского языка произошли фонетические (*тата, тато*), словообразовательные (*шурьяк, свекруха, мамухна, бабухна*), морфологические (*матерь, батько, деверьё*) изменения, отразившие общеславянские, восточнославянские или же собственно русские языковые тенденции.

Судьба брянских агентивов нередко связана с культурологическими и историческими представлениями носителей говоров о своем прошлом, о его традициях, обрядах. Так, *близнецы* в народных представлениях воспринимались негативно. Число два считалось опасным, дьявольским. Верили, что чёрта можно сразить только одним ударом, если же ударить дважды, то он снова оживет и даже удвоится. В литературном языке *близнецами* называют детей, одновременно рожденных одной матерью [МАС 1957, I: 115]. Лексема известна еще с XIV века: «**Братья вѣху сии триє от Кападокии купно рожєся от єдиногo чрева три близньци, вѣша же конєводци доблин, учащее кони**» [СлРЯ XI-XVII вв. 1975, I: 241]. Как отмечает П.А. Расторгуев, слово *близняты* характерно чаще в брянских говорах для городской речи. [*У их што год, то и близняты*] [СР 1973: 53]. Согласно мифопоэтическим представлениям, у двойни одна судьба на двоих, поэтому люди верили: они долго не живут, либо один из них «отбирал» долю у другого, в частности один из двойни рождался бесплодным. С другой стороны, мотив удвоения служил, вероятно, основанием для формирования идеи плодовитости, связанной как с родителями, так и с самой двойней. Если родится двойня одного пола или в «одном месте», то появятся еще двойни у кого-либо поблизости.

Брянские говоры сохраняют следы отраженных в их агентивах суеверий, табу и эвфемизмов (*бабка, дед*). Авторы «Брянского областного словаря» приводят дополнительное значение к слову *бабка* – «целительница» [БОС 2007: 18] и производный от него глагол *бабить* – «лечить». У А.Н. Афанасьева в близком значении находим слово *бабка* – «нашептывать, ворожить» [Афанасьев 2008: 1096]. Вероятнее всего, данное слово является эвфемизмом, употребление которого обычно бывает вызвано боязнью соприкоснуться со злом, колдовством. В большинстве случаев *бабкой* на Брянщине называют народную целительницу, а не ворожею, однако иногда в юго-западных брянских говорах это слово обозначает ворожею, колдунью, чьи действия отрицательно влияют на человека. Слово *бабка* в этом значении представлен также и в других русских говорах: орл., курск., калуж. и даже влад., арх. и том. [СРНГ 1966, II: 21], что может свидетельствовать о давности его функционирования в обоих наречиях русского языка.

Анализ брянских терминов родства показывает наличие противопоставленности слов по наличию / отсутствию в них экспрессивной коннотативности, развитость форм субъективной оценки. Вокруг слов *отец, батя, мама, сын, дочь, сестра, брат, баба, дед* сформировались многочисленные гнезда уменьшительно-ласкательных форм: *мама, мамухна, мамулечка, мамуля, матерь; доченька, дочурка, дочушка, дочухна, дочерь, дочеря; баба, бабонька, бабуленька, бабулечка, бабуля, бабунечка, бабусенька, бабусечка, бабуся, бабáня, бабухна, бабёнь, бабёна* и др. Считать эту особенность только брянской

или только русской нельзя: она находит яркое отражение в украинском: *мамуся, мамусенька, мамусечка, мамочка, мамонька, мамуня, мамунечка, мамка мамця, мамунька* [Бурячок 1961: 31], *маточка, матуня, матуся, матусенька* [Жайворонок 2007: 212], белорусском: *мамуля, матуля, мамуся, матухна, мамачка, матулька, мамка* [РБС 2005, II: 25].

Сфера бытовых отношений, обслуживаемая агентами того или иного говора, способствует возникновению и функционированию преимущественно наименований с отрицательными стилистическими и эмоционально-экспрессивными коннотациями. Это обусловлено, во-первых, экстралингвистическим фактором, во-вторых, определяющимся этими факторами отбором аффиксов, прежде всего суффиксальных, служащих для усиления реализации словом негативной характеристики человека (*-ак, -як, -аг, -уг, -юг*). В литературном языке данные форманты являются стилистически сниженными, характеризуются разговорностью и фамильярностью [РГ 1980, I: 217]. В говорах же их «сниженность», как правило, менее заметна, не так «рельефна» на фоне общей стилистической сниженности речевой атмосферы территориального говора.

Сложное положение брянских говоров, внешнее влияние на них, обусловили картину не только фонетической и морфологической, но также семантической пестроты одной и той же лексемы на разных брянских территориях. Так, слово *большуха* имеет в разных говорах Брянщины различные значения: «старшая сестра» (Поч. р-н), «старшая невестка» (Н-з. р-н), «жена старшего сына» (Ком. р-н), «первая подруга невесты, дружка» (Сев., Тр. р-ны).

В третьей главе «Наименования лиц по внешним признакам и внутренним качествам в брянских говорах» лексические единицы также анализируются с позиции их семантики, семантических и ареальных связей. Данная тематическая подгруппа включает в себя следующие ЛСГ: «Наименования лиц по внешним признакам, физической природе и внешнему виду», «Наименования лиц по их отношению к труду», «Наименования лиц по интеллектуальным способностям», «Наименования лиц по материальному положению», «Наименования лиц по особенностям характера и поведения».

Обе рассматриваемые тематические подгруппы имеют немало общих особенностей. Так, в них отмечено большое число южнорусских лексем, семантически общих с севернорусскими: *ма́терь, ба́тя, де́душка, бра́тан, бра́тец, бра́тённый, бра́тёльник, дя́дина* («жена дяди»), *свекру́ха, своя́чния* («сестра жены»), *па́дчерка* («неродная дочь»), *вертёшка* («подвижный, непоседливый ребенок»), *балабо́лка* («болтун, пустомеля») и др. Выделяются наименования лиц, известные только южнорусскому наречию: *прима́к* («зять, принятый в семью жены»), *ба́йстрюк* («внебрачный ребенок»), *бе́ляк* («человек со светлыми волосами и кожей»), *жадо́ба* («жадный человек») и др.

Наблюдается широкая связь исследуемых говоров с различными севернорусскими и южнорусскими говорами. Так, например, слово *халда́* в значении «неряха, неопрятная женщина» отмечается в вятских и ярославских говорах, хотя семантика «бесстыдная, распутная женщина» в ярославских

говорах не позволяет полностью отождествить эти слова. В северных и южных говорах фонетические варианты *дуплё* и *дупло* обозначают агентивы, возникшие из одного первоисточника – метафорического переосмысления общенародного русского слова *дупло*, но развившие в говорах разные значения: «тучный, неповоротливый человек» во влад., вят., перм., урал. и др. говорах, «толстый и глупый человек» – в твер. говорах, «неотесанный, нескладный, безобразный человек» – в архан. говорах [СРНГ 1972, VIII: 260]. Не только в брянских, но и в смоленских, и в курских говорах функционирует метафорическое производное слово *хряпка* в значении «худая, сморщенная, согнувшаяся, ворчливая старуха» [СР 1973: 279]. Слово *лотрыга* «бездельник» известно в курск., калуж., пензен. говорах. В брян., курск., калуж., кубан. говорах известна лексема *задріпа* в значении «неаккуратный человек, грязнуля», *му́рза* в разнообразных значениях во многих русских говорах.

Особенно часты сближения с территориально смежными говорами, имевшими в течение многих веков общую или близкую судьбу с брянскими говорами: орловскими (*детіна*, *балда́*, *долбня́*, *глумоде́л*, *оболтус*, *оболду́й*, *злы́день* и др.), курскими (*мальва́*, *кажелётки*, *кри́кса*, *задріпа*, *багла́й* и др.), смоленскими (*дя́нка*, *ля́лька*, *плóйма*, *двойня́тки*, *бла́зень*, *ба́йструк*, *подскрёбок*, *те́льпух*, *нездоровя́ка*, *бе́йбус*, *ёлупень*, *халде́й*, *скна́ра* и др.), тульскими (*ля́ля*, *двоешки*, *гордыбака* и др.), калужскими (*долбня́*, *бось*, *злы́день* и др.), а также воронежскими (*крикса*, *ба́йструк*, *агал* и др.), рязанскими (*ля́лька*, *ля́ля*, *двое́шки*, *криксун* и др.), пензенскими (*лотры́га*, *дунду́к* и др.), донскими (*детіна*, *де́вка*, *жадо́ба*), псковскими (*деверьё*, *ля́лька*, *ора́ва*, *плóйма*, *двойня́та*, *двойня́тки*, *бла́зень*, *белобры́ска*, *мень*, *растетёха*, *глупёша*), тверскими (*ора́ва*, *криксун*), владимирскими (*дуплё*, *дундук*, *гордыбака*), русскими говорами Латвии, Литвы, Эстонии (*криксун*, *криксуха*, *скупердя*) и др. При этом обращают на себя внимание многочисленные факты близости по тому или иному термину родства говоров, значительно удаленных друг от друга, функционирующих на севере страны, в Сибири и т.д. (ср.: *братичка*, *деверьё*, *шурьяк*, *лихомарец*, *лиходей*), что вполне объяснимо тем обстоятельством, что сибирские говоры формировались на почве севернорусского наречия, носители которого переселялись и на южнорусскую территорию.

В ряде случаев план выражения слова широко распространен в русских говорах, однако его план содержания обособливает лексему, семантически дифференцируя ее по разным русским говорам. Так, слово *кувалда*, называющее неуклюжую, толстую женщину, является производным от общенародного просторечного слова *кувалда* в значении «большой молот». В рязанских говорах так называют «безвкусно одетую женщину с укутанной головой», в волог., костр., дон. – «неопрятную женщину», в яросл. – «вялую, нерасторопную женщину», а во влад., перм. – уже «некрасивую, неловкую женщину» [СРНГ 1979, XV: 388]. Данная особенность ярко отражена также и в судьбе лексемы *дундук* в русских говорах. Можно выделить несколько значений слова, связанных с разными говорами: 1. «бездельник, лентяй» (влад.); 2. «глупый, бестолковый, невежественный и упрямый человек» (казан., пенз., калуж., влад., свердл., курск.); 3. «коротыш, толстяк» (смол.); 4. «как

уличное прозвище» (ворон.); 5. «как крестьянское прозвание (калуж., сиб.) [СРНГ 1972, VIII: 258]; «молчаливый, малообщительный человек» (дон.) [БТСДК 2003: 143]. Очевидно, что брянские говоры ближе всего ко второй семантико-территориальной группе, отличаясь от неё отсутствием на Брянщине семемы «упрямый». В русских говорах широко известна лексема *ошарашка*, но в разных значениях. На Брянщине (в говорах Погарского и Унечского р-нов) это «грубый, необузданный человек» с оттенком презрительности [СБГ 1976, I: 22], в то время как в пензенских говорах – это «глупый человек» [СРНГ 1990, XXV: 79]; в донских же говорах слово служит обозначением невоспитанного, а также плохо одетого, оборванного, грязного человека; видимо, от дон. *ошарашить* «обманно обобрать, обыграть» и т.д. [БТСДК 2003: 351].

Члены сформировавшихся ЛСГ вошли в определенные лексико-семантические отношения друг с другом, обусловленные интересами носителей говоров: синонимические, антонимические, омонимические, полисемантические. Яркой особенностью агентивов брянских говоров можно считать наличие среди них большого числа полисемичных номинаций: *желтяк* – 1. «человек с желтым цветом лица», 2. «желтый огурец» [СР 1973: 99]; *гламазда* – 1. «человек, несоразмерный в частях, нестройный, неуклюжий», 2. «человек, не соблюдающий порядка, неопрятный», 3. «слишком большой, занимающий много места; громоздкий» [БОС 2007: 70]; *тэльпух* – 1. «толстое полено или бревно», 2. «то же, что тарбуль (колода для рубки дров)», 3. перен. «о неуклюжем, неповоротливом человеке» [БОС 2007: 338]; *жйгалка* - 1. «муха с колющими щетинками на хоботке, которая появляется осенью и больно кусается», 2. перен. «противная, нерасторопная женщина» [СБГ 1988, V: 65]; *каверзень* – 1. «вид обуви, сплетенной из лык, чаще липовых». 2. «лапти, сделанные грубо, кое-как, наспех» (пренебр.); 3. перен. «о человеке недобром, способном на каверзы» [БОС 2007: 126] и др. Эта многозначность вызвана происхождением многих агентивов от различных лексем литературного языка или местных говоров в силу стремления народа к образному номинированию и реализации широко распространенного семантического способа словообразования.

В сфере агентивов брянских говоров чрезвычайно развит семантический способ, метафорический перенос наименований, что обусловлено исконной наблюдательностью человека и ассоциативным характером его мышления. Изучение наименований лиц в брянских говорах, отражающих характеристику человека, показало, что в процессе создания диалектной метафоры используется лексика разных сфер: предметной, природной, бытовой и др. Источники образования метафор в народной речи не только многочисленны, но нередко и непредсказуемы. Г.Н. Скляревская справедливо подчеркивает, что едва ли не любое свойство любого предмета может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне, и язык практически не ставит никаких препятствий для сопоставлений в формировании антропоцентрических метафор [Скляревская 1993: 82].

Наблюдения показали, что в рассмотренных тематических подгруппах хорошо развиты синонимические отношения, образующие большое количество синонимических рядов: *родичи – сродичи – сродники – сородичи – сродня; подшкрёбыш – подскрёбок – подшкрёбок – последушек; байструк – байстриук – байстря; дрюзда – брюза – гламазда – коковень; худила – дрынка – хряпка; здоровяк – богатырка; обдерыш – ободранец – оборванец; балахна – вахлач – гарза – хазя – гарзуга; задрипа – мазница – мараша; хайдоба – халда – халыйда – хрида – холда – хлюпа; лобзень – лежень – лобрет – локала – лында – лындарь – сёгла – тянёта; балда – балбес – балбешка – долбешка – долбня – дуплё – чурка; безумник – безульник; веселиночка – веселуха – балагур; агал – лиходей; живоглот – живодёр; болван – загавала* и др.

Доминантой синонимических рядов являются как общенародные, так и диалектные слова. Если в состав ряда входит какое-то общенародное слово, то оно, как правило, выступает в роли доминантного (*бедняк – бось – жодень – злыдень – лихомарец; гордец – гордыбака; говорун – болтун – болмот – болмотун; неуч – невук – неук; жадина – жадёба – жадоба; урод – уродина – перекраса – лелёта; труженик – трудяга – трудник – сдельница; блондин – белобрыска – беляк* и др.). В том же случае, когда синонимический ряд состоит из ареальных лексем, доминантой может служить только один из членов этого ряда. При этом в каждом говоре это место может занимать не обязательно одна и та же лексема: *верекша – лабза – дула – дулепа; голда – сдылбина – скрыдла – аникон; байструк – байстриук – байстря; базиль – бейбус* и под. Кроме того, встречаются случаи, когда в говоре нельзя отдать предпочтение какому-то одному члену синонимического ряда как доминанте: *живоглот – живодёр*.

Внутри ЛСГ отмечены также антонимические отношения: *здоровяк – нездоровяка; маковица – уродина; богатей – бедняк; добряк – агал; сдылбина – корявец* и др. Наличие антонимов вполне естественно в той группы имен, которая связана с указанием на качество, степень его проявления, эта же семантика как раз характерна для большинства создаваемых народом характеристик внутреннего мира и внешних качеств человека.

Для брянских говоров характерны также омонимические связи, нередко находящиеся в отношениях производности одно от другого, но семантически удалившиеся друг от друга: *маковица¹* – «семенная коробочка мака»; *маковица²* – «нарядная красивая девушка» [БОС 2007: 200]. Однако обилие требующих языкового обозначения признаков и качеств человека и сравнительно небольшое число суффиксальных морфем, служащих для этой цели, обуславливает возможность параллельного, независимо возникающего омонимичного звукового комплекса. К таким образованиям мы относим, в частности, омонимы *веселуха¹* – «жизнерадостная женщина, любительница повеселиться», *веселуха²* – «разноцветная дугообразная полоса на небе; радуга» [СБГ 1980, II: 48]; *беляк¹* – «заяц, меняющий к зиме окраску на белую», *беляк²* – «человек со светлыми волосами, кожей», *беляк³* – «то же, что *белёнка* (сорт съедобных грибов, похожих на груздь), *беляк⁴* – «головной убор замужней женщины в виде круглой шапочки из ситца, сатина, полотна» [СБГ 1976, I: 46] и др.

Важный научный материал дает история номинации агентивов. Генетически они связаны с реализацией в названии того или иного мотивировочного признака. При номинации человека используются самые разные мотивировочные признаки, которыми может характеризоваться человек и которые как нельзя лучше подходят для называния человека с теми или иными особенностями. В результате исследования нами выделены наиболее яркие и частотные признаки мотивации. Частотным является признак «сходство с животным миром и миром птиц» (*жигалка, жук, вужака, ведмедь, вылуток, глухарь, казоря*). Превазирование данного признака обусловлено извечной связью человека с миром животных, птиц, насекомых. Анализ мотивировочных признаков в сфере брянских агентивов также подтверждает это. Так, агентив *казоря* на Брянщине – «шумный, крикливый человек», но и «водоплавающая птица семейства утиных, казарка» [БОС 2007: 130]. Ф.И. Буслаев отмечал, что «к существам одушевленным в древности еще большие питались сочувствия, чем к природе неодушевленной. Одаренные свободным движением животные казались человеку товарищами одной общей жизни в противоположность царству растительному, покоящемуся в безгласной тишине» [Буслаев 1992: 318].

Менее частотными являются следующие мотивировочные признаки: а) цвет (*беяк, желтяк*); б) сходство с бытовым предметом (*ветренка, кувалда*); в) сходство с одеждой или обувью (*каверень*); г) признаки сходства с деревянным предметом (*дуплё, тельпух*); д) сходство с игрушкой (*дзыга, брызготка*); е) сходство с музыкальным инструментом (*дуда, бубен*); ж) ассоциация с продуктами питания (*хряпка, репа*) и т.д.

Наряду с однословными агентивами, в брянских говорах широко представлены устойчивые словосочетания, в качестве стержневого слова которых чаще всего используются диалектные лексемы: *лында* (лодырь, бездельник), *бринда, брында* (бездельник), *клепчина* (тонкая дощечка, из которой составлялась бочка) и др. Устойчивые сочетания реализуют богатые возможности разносторонней характеристики человека, особенностей его характера, поведения: *докучливая басня* (о надоедливом, навязчивом человеке), *комара не зашибет* (о человеке, который никого не обидит), *кила наговорная* (болтливый человек), внешних физических особенностей: *казиные тиски* (худой, малорослый человек любого возраста, но чаще всего ребёнок), *старый гриб* (о человеке старом и слабом), умственных способностей: *балда понеделешная* (бестолковый человек), *голова не стегает* (о человеке, который не может что-то придумать, сообразить), *не хватает одной клепчины* (о глупом человеке), *монуса кусок* (о глупом человеке), трудовой деятельности: *от земли* (о человеке, который любит трудиться на земле), *жирки точить* (о деятельном, энергичном человеке), *бринды бить, байды бить, лынды бить* (бездельничать, избегать работы), *лодырь от комля* (ленивый от рождения человек), благосостояния человека: *по нем беда не ходила* (о человеке, который не испытывал нужду, не бедствовал) и др.

Истоки большого числа местных слов и устойчивых выражений обосновываются жизненными реалиями, уровнем жизни носителей говоров и

обусловленным им направлением формирования семантики определенных языковых единиц. Так, в брянских говорах представлено немного слов и фразеологизмов, отражающих материальную сторону жизни брянцев в прошлом. О благоприятных условиях жизни свидетельствуют только два выражения: *божья благодать* «полный достаток» и *по нем беда не ходила* «о человеке, который не испытывал нужду, не бедствовал». [*Он живё в божьей благодати, фсё ё, фсево багата*] [СБГ 1976, I: 64]. Немногим больше выражений с отрицательной коннотацией: *выходить на ботвинью* (вступать в брак с неимущим), *кишка кишке кукиш кажет* (голодать), *грызть горькую редьку* (жить в тяжелых условиях), *как у бога за дверями* (плохо жить). Последнее выражение демонстрирует появление у него в местном говоре значения, прямо противоположного общенародному, где оно обозначает «жить вольготное, рядом с богом». В других говорах, как и в общенародном языке, также встречаем положительное понимание выражения. Так, в дон. и пск. говорах, например, фразеологизм имеет явную положительную семантику: «Жить хорошо, вольготно, в полном достатке» [СРНГ 1968, III: 63]. Видимо, у брянцев сыграл определяющую роль смысл выражения «за дверями», т.е. не рядом с богом, а в некотором удалении от него, «за перегородкой».

Проанализированный в диссертационном исследовании материал показал, что агентивы рассмотренных тематических подгрупп находятся в тесных генетических связях с многочисленными русскими говорами, восходящими к разным периодам истории русского языка, начиная с эпохи восточнославянского единства. Наиболее древняя группа брянских агентивов – наименования, известные всем восточнославянским языкам (*богатеи, бедняк, веселуха, балагур, вепрь* «очень злой человек», *назóла* «навязчивый, надоедливый человек», *жéвжик* «подвижный человек, чересчур вертлявый ребенок», *долбешка* «бестолковый, тупой человек», *говорун, говоруха, говорок* «человек, который любит много говорить» и др.).

Выделяется ряд наименований лиц, известных в брянских говорах и белорусском языке (*большун, братка, племенник, сваця, сватья, падчерка, бубен, латрыга, вихляй, сдельница* и др.). Не менее представительная группа слов объединяет брянские говоры с украинским языком (*пасестра, тата, бацька, братка, свашка, бейбус, тюхтей, молодик, галман, лиходеи, перекрыса, кучерявец, латрыга, злыдень, упир, тельпух, скнара*). Слово *тельпух*, войдя в брянские говоры, приобрело метафорическое значение «неуклюжий, неповоротливый человек» [БОС 2007: 338]. *Злыдень*, ср. укр. *злиденъ* – «бедняк, голыш» [Гринченко 1908, II: 158], разг. *злидар* и собир. *злидні* [РУС 2003: 35]. В русских говорах Белоруссии это слово также известно, но как полисемант: 1. «плохой человек»; 2. «вор»; 3. «бедный человек»; 4. «ленивый человек» [СРГБ 1989: 78]. Слово *упир* (*упырь*) в п. Воронок Стародубского р-на называет упрямого человека, преимущественно мальчика-подростка [СР 1973: 270]. В говоре с. Демьянки того же района нами записано в том же значении, но с указанием на взрослого человека [*Памёр мой Фёдор, упир быу*]. Твердая финаль слова, звук [р], скорее всего, – отражение белорусского влияния на брянские говоры. Бытующая в изучаемых говорах (наряду со словами *неуч,*

неук), украинская форма *невук* «неуч, невежда» демонстрирует реализацию в живой речи распространенного в ней процесса аналогии под влиянием общеславянской тенденции устранения зияния между гласными в пределах одной морфемы. Незакономерный характер появления здесь вставочного [в] проявился в межморфемной позиции.

Некоторые белорусские и украинские агентивы (как и немалое число слов русского языка других тематических групп) явились для брянских говоров промежуточным звеном их проникновения из западнославянских языков, которые заимствовали лексическую первооснову даже у неславянских языков. Так, слово *лотрыга* в значении «бездельник» пришло на Брянщину из украинского, где диал. *лотр* – «вор, разбойник» [Гринченко 1908, II: 378], или из белорусского, где *лотр* – то же, в которых из чеш. *lotr* «бандит, негодяй» [Фасмер 1967, II: 523] или полск. *lotr* «вор, разбойник, грабитель, плут, злодей, мошенник» [Дубровский 1906: 242], куда могла проникнуть из нем.: ср. ср.-в.-нем. *loter* «легкомысленный, рыхлый», нов.-в.-нем. *Lotter* «лентяй» [Фасмер 1967, II: 523].

Среди наименований лиц в брянских говорах нами обнаружен пласт собственно русских агентивов (*глухарь, бестолочь, остолоп, верзила* и др.), возникших, как можно предполагать, уже в период после выделения русского языка из общевосточнославянского языкового единства. В работе представлены также агентивы, которые можно отнести к собственно брянским, поскольку они не отмечены лексикографическими источниками для каких-либо других русских говоров: *девушка, жодень, гламазда, дуда, дудлик, кила, бекешка, боска, крутель, лобрет, лобзень, ляпалка, мазена, маковица, прикраса, скрыдла, аникон, локала, базиль, сёгла, брызготка*.

Лексико-семантические различия обнаруживаются внутри самих брянских говоров, способствовавших ученым осуществить дифференциацию этих говоров. Так, в говоре Карачевского р-на слово *доходяга* имеет значение «старый, малосильный человек». В говоре же Дятьковского р-на оно обозначает не обязательно старого, но болезненного, хилого человека [СБГ 1988, V: 35]. Семы «болезненный» в карачевском слове не находим. Слово *глумодёл* в выгоничском говоре Брянщины имеет значение «неумный человек», в то же время носители говора Брянского района употребляют его в ином значении: «рассеянный, забывчивый человек» [БОС 2007: 71].

В современной языковой ситуации литературный язык активно влияет на агентивы брянских говоров. Обнаруживается неодинаковый объем значений в сопоставлении с соответствующими явлениями литературного языка. Так, в следующих словах зафиксирован более широкий спектр значений в местных говорах, чем в литературном языке: в брянских говорах: *рёпа* – 1. «овощ», 2. «круглолицая девушка» [СР 1973: 233]; в литературном языке: *рёпа* – «корнеплод с округлым корнем светло-желтого цвета» [Ожегов, Шведова 2001: 663]; в брянских говорах: *гольиш* – 1. «голый, не одетый ребенок», 2. «неимуций, безземельный крестьянин», 3. «небольшой круглый гладкий камень; булыжник» [СБГ 1984, IV: 37], в литературном языке: *гольиш* – 1. «голый человек (обычно о ребенке)» (разг.), 2. «небольшой круглый гладкий

камень» [Ожегов, Шведова 2001: 130]; в брянских говорах: *мазу́рик* – 1. «озорник, шалун (чаще о детях)» (неодобр.); 2. «хулиган» [БОС 2007: 199]; в литературном языке: *мазу́рик* – «вор, мошенник» (прост.) [МАС 1958, II: 293] и мн. др. И наоборот, ряд брянских лексико-семантических соответствий имеет более узкий объем семантической структуры слова в сравнении с литературным языком, где превалируют два и более значения: в брянских говорах: *божо́к* – «ребёнок, пользующийся особенной любовью и расположением матери [СР 1973: 47], в литературном языке: *божо́к* – 1. «небольшой идол», 2. «кумир, любимец» (ирон.) [Ожегов, Шведова 2001: 50]. Вместе с тем обычной можно считать ситуацию совпадения семем литературного языка и брянских говоров: в брянских говорах: *кува́лда* – 1. «большой молот»; 2. «грузная, неуклюжая женщина» [СР 1973: 143], в литературном языке: *кува́лда* – 1. «большой ручной молот», 2. «о неуклюжей, грубой, неотесанной женщине» [МАС 1958, II: 191] и др.

Часть брянских агентов свидетельствует об устойчивости большинства названных лексем. Многие из них не только известны в настоящее время, но все еще активно употребляются и в сфере семейных отношений: *веселу́ха* (веселая женщина), *злы́день* (злой человек), *кува́лда* (грузная, неуклюжая женщина), *клу́ня* (нерадивая хозяйка), *глуха́рь* (глухой человек) и др.

Общеизвестно частое несовпадение объема значения в словах разных языков. Однако такое несовпадение мы обнаружили и в брянских говорах в сравнении с литературным языком. Так, слово *меге́ра* в брянских говорах называет не только злую, сварливую женщину, но и худую, старую, некрасивую. Агентив *доходя́га* обозначает не только болезненного, хилого человека, а также старого, малосильного. Такая ситуация способствует устойчивости диалектных слов, препятствует их вытеснению и замене литературным эквивалентом.

В Заключение подводятся основные итоги исследования. Представлены обобщающие выводы о семантике, словообразовании, ареальных связях рассмотренной тематической группы в брянских говорах.

Основные положения работы отражены в следующих **публикациях**:

1. *Седойкина, Ю.В.* Заимствования из близкородственных языков в брянских говорах (на материале наименований лиц) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Вестник Российского университета дружбы народов: научный журнал. – Москва: РУДН, 2010. – № 3. – С. 116-121. – 0,38 п.л. (из перечня ВАК) (лично автором – 0,38 п.л.).
2. *Седойкина, Ю.В.* Имена существительные со значением лица женского пола в брянских говорах (словообразовательный аспект) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Вестник Московского государственного областного университета: научный журнал. – Москва: МГОУ, 2010. – № 6. – С. 44-47. – 0,25 п.л. (из перечня ВАК) (лично автором – 0,25 п.л.).
3. *Седойкина, Ю.В.* Суффиксальный способ образования имен существительных общего рода в брянских говорах (на материале наименований лиц) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Вестник Брянского

- государственного университета: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – № 2. – С. 227-230. – 0,25 п.л. (из перечня ВАК) (лично автором – 0,25 п.л.).
4. *Седойкина, Ю.В.* «Метко сказанное русское слово...» (на материале именовании людей в брянских говорах второй половины XX века) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Русский язык и духовная культура: Материалы научно-практической конференции. – Брянск: БИПКРО, 2008. – С. 127-130. – 0,25 п.л. (лично автором – 0,25 п.л.).
 5. *Седойкина, Ю.В.* «Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева как отражение связей восточнославянских языков и народной культуры» [Текст] / Ю.В. Седойкина // Актуальные проблемы науки и образования: Труды и материалы XI Международной научно-методической конференции. – Т. 1. – Брянск: РИО БГУ, 2008. – С. 16-19. – 0,25 п.л. (лично автором – 0,25 п.л.).
 6. *Седойкина, Ю.В.* Диалектная метафора в брянских говорах II половины XX века (на материале наименований людей) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск: РИО БГУ, 2008. – № 2. – С. 183-188. – 0,38 п.л. (лично автором – 0,38 п.л.).
 7. *Седойкина, Ю.В.* Именование людей по их отношению к труду в брянских говорах [Текст] / Ю.В. Седойкина // Проблема изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы V Международной научно-практической конференции. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 76-79. – 0,25 п.л. (лично автором – 0,25 п.л.).
 8. *Седойкина, Ю.В.* Словообразование имен существительных в брянских говорах (на материале именовании лиц) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов. – Мозырь: МГПУ, 2009. – С. 65-67. – 0,19 п.л. (лично автором – 0,19 п.л.).
 9. *Седойкина, Ю.В.* Наименования родителей в брянских говорах (на материале лексикографических источников) [Текст] / Ю.В. Седойкина // Актуальные проблемы науки и образования: Труды и материалы XII Международной научно-методической конференции. – Новозыбков: РИО БГУ, 2009. – С. 129-133. – 0,3 п.л. (лично автором – 0,3 п.л.).
 10. *Седойкина, Ю.В.* (в соавт. с В.И. Макаровым) Наименования лиц по семейным отношениям в брянских говорах с позиции их лингвогеографии [Текст] / Ю.В. Седойкина // Современные проблемы историко-правового, филологического, психолого-педагогического и естественнонаучного краеведения: Материалы международной научно-практической конференции. – Новозыбков: РИО БГУ, 2010. – С. 105-110. – 0,38 п.л. (лично автором – 0,19 п.л.).
 11. *Седойкина, Ю.В.* Семантика наименований детей в брянских говорах [Текст] / Ю.В. Седойкина // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: Материалы межгосударственной научной конференции. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 129-133. – 0,3 п.л. (лично автором – 0,3 п.л.).

12. *Седойкина, Ю.В.* Семантика наименований лиц по родственным отношениям в брянских говорах [Текст] / Ю.В. Седойкина // Российско-белорусско-украинское пограничье: аспекты взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. г. Новозыбков, Брянская обл., 21-22 октября 2010 г. – Брянск: БГУ, 2010. – С. 264-267. – 0,25 п.л. (лично автором – 0,25 п.л.).
13. *Седойкина, Ю.В.* Наименования лиц в брянских говорах в словообразовательном аспекте [Текст] / Ю.В. Седойкина // Речь Брянщины в контексте восточнославянских языковых связей: Коллективная монография. – Брянск: Курсив, 2010. – С. 142-163. – 1,3 п.л. (лично автором – 1,3 п.л.).
14. *Седойкина, Ю.В.* Характеристика внешности человека по его физическим особенностям в брянских говорах [Текст] / Ю.В. Седойкина // Славянская культура в истории и современном мире: материалы Международной научно-практической конференции «Древнеславянское наследие и культура в современном мире». – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 137-140. – 0,25 п.л. (лично автором – 0,25 п.л.).

Седойкина Юлия Васильевна
Наименования лиц в брянских говорах:
семантика, словообразование, ареальные связи

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 25.07.2011. Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 1,4 усл. п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 987

ГОУ ВПО «Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского»

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14